

Гу Пиньтин редко шла на поводу у чьих-то слабостей, но при необходимости умела это делать. Она ясно видела: Седьмая принцесса, столь разительно изменившаяся за короткий срок, — не тот человек, с кем можно обходиться небрежно. Потому она и не позволяла себе той вольности, что с Му Цинмянь.

С её высочеством следовало держать ухо востро.

Гу Пиньтин продолжила объяснять: «Ваше высочество, вы, верно, слышали о Башне Ста Путей? Ваша прозорливость и величие привлекли наше внимание, и мы кое-что о вас проведали. Узнав, что госпожа Му для вас необычайно важна, я позволила себе разрешить одну её небольшую проблему — втайне надеясь, что это привлечёт ваше благосклонное внимание ко мне».

Голос её звучал искренне: «Я сознаю, что подобный поступок может быть сочтён дерзостью. Если ваше высочество не сочтёт за труд, я готова выполнить три любых ваших желания. Всё, что в силах Башни, будет немедленно исполнено».

Правда в том, что Гу Пиньтин ни за что не обратила бы внимания на ещё неизвестную целительницу, не будь та связана с Янь Лян. С самого начала её целью была Седьмая принцесса.

Слова её не только демонстрировали возможности и искренность Башни, но и таили скрытую угрозу: она знала, как дорога Му Цинмянь для Янь Лян, и использовала это, чтобы завоевать доверие целительницы. Если принцесса откажется от сотрудничества, Башня может предпринять нечто против Му Цинмянь.

Такова уж была Гу Пиньтин: раз задумавшееся, она добивалась своего любой ценой.

Но иметь друга всё же выгоднее, чем врага, а с её высочеством лобовой натиск был бы ошибкой. Потому она сразу же предложила три желания, стараясь сгладить скрытый подтекст и выказать добрые намерения.

Честно говоря, даже одно желание, исполненное Башней Ста Путей, уже было бы величайшей удачей для большинства. Три — жест поистине царский. Гу Пиньтин хорошо знала: чтобы заключить великую сделку, сперва нужно щедро вложиться.

Янь Лян стиснула зубы.

Она и вправду не ожидала, что в этой жизни Гу Пиньтин обратит на неё внимание так рано!

Но если отбросить былые распри, глава Башни Ста Путей была превосходным союзником, и сотрудничество с ней сулило лишь выгоды.

Их вражда в прошлой жизни коренилась в её собственной юношеской запальчивости — теперь всё это казалось пустым и ненужным.

А поскольку Гу Пиньтин вела себя предельно почтительно, Янь Лян, глубоко вздохнув, чётко изложила условия: «Первое: Башня Ста Путей никогда не должна вредить Му Цинмянь или её интересам. Второе: Башня обязана предоставлять ей любую возможную защиту».

Раз уж та нашла её слабое место, пусть же эта слабость обретёт дополнительную охрану.

В глазах Гу Пиньтин мелькнуло удивление.

Седьмая принцесса без колебаний использовала два из трёх драгоценных желаний ради Му Цинмянь?

Гу Пиньтин не сомневалась, что та понимала цену такого дара. Значит, Му Цинмянь для неё в десятки раз дороже собственной жизни.

Гу Пиньтин мягко рассмеялась и тут же согласилась: «Да будет так, как желает ваше высочество».

Сделка состоялась куда легче, чем она ожидала, — и это было прекрасно.

Янь Лян подняла взгляд: «А что желает от меня глава Башни?»

— Ваше высочество, вы поистине решительны! — улыбка Гу Пиньтин стала ещё лучезарнее. Она готовилась к трудным переговорам, но всё разрешилось на удивление гладко. Её мнение о принцессе возросло, а тон стал почти дружеским. — Башня Ста Путей заключает с великими людьми, подобными вам, долгосрочные соглашения. Когда вы взойдёте на вершину славы, просто вспомните иногда о нашей ничтожной особе!

— Оставшееся желание я сохраню для вас. Когда решите, как им воспользоваться, — лишь скажите слово! — добавила она. — А если мне вдруг понадобится ваша помощь, я, конечно, не постесняюсь попросить!

Янь Лян кивнула с бесстрастным видом: «Поняла».

Гу Пиньтин, уловив, что интерес принцессы иссяк, изящно поклонилась, готовясь откланяться: «Желаю вашему высочеству всяческих успехов. Эта ничтожная особа позволит себе...»

— Ёбаный твою мать! — внезапно воздух разорвал душераздирающий вопль.

Голос был хриплым, иступлённым, с явной сдавленной рыдающей нотой. Принадлежал он, судя по всему, молодой женщине, и каждое слово звучало так, будто было вырвано окровавленной глоткой:

— Домой хочу! Домой! Сука, я же обычная тёлка, какого хуя меня сюда занесло?! Ни системы, ни читов, теперь ещё и жить скоро не смогу! Домой хочу, у-у-у-у...

Гу Пиньтин: «...»

Янь Лян: «...»

В такой глухой пустоши не услышать этот крик было невозможно.

Половина слов незнакомки была им непонятна, но Янь Лян и Гу Пиньтин и не собирались вникать в чужие сетования. Их интересовало лишь одно: не заденет ли это их самих.

В поле зрения Янь Лян возникла шатающаяся фигура, а позади неё, на расстоянии, гнались два-три десятка человек с мечами и прочим оружием.

Янь Лян прищурилась.

Их одежда... была точь-в-точь как у тех разбойников, с которыми она столкнулась в трактире Хэйяня.

А та, что едва держалась на ногах, хоть и была в грязных лохмотьях, носила розовое платье.

Эта, кажется, обезумевшая девушка, должно быть, и была та самая «Фэн Яояо», которую искали хэйяньские разбойники.

Бандиты, не стесняясь в выражениях, орала и ругались, создавая невообразимый шум. Несколько из них, вооружённых луками, уже выпустили стрелы в сторону Фэн Яояо.

Местность вокруг была голой — лишь редкие камни да жухлая трава. Хотя из-за крупного валуна Фэн Яояо и её преследователи не видели Янь Лян с Гу Пиньтин, стрелы летели наугад, и три из них впились в землю у самых ног Янь Лян.

Гу Пиньтин же на лету поймала две стрелы.

Янь Лян: «...»

Она холодно посмотрела на дрожащие древка, торчащие из грунта, и лицо её стало ледяным.

В прошлой жизни ходила поговорка: не тронь Демоницу в кровавых одеждах — и она сойдёт за обычного человека; но стоит её задеть, и небо с землёй поменяются местами от её бешенства.

Янь Лян щёлкнула пальцами, и три стрелы рассыпались в пыль.

Гу Пиньтин отреагировала куда спокойнее, просто сломав пойманные стрелы и отбросив обломки. Для главы Башни Ста Путей это был сущий пустяк, и её принцип был прост: не твоё дело — не лезь.

Но, взглянув на лицо Янь Лян, она поняла: на сегодня покоя не будет.

Гу Пиньтин: «...»

Не ожидала она, что Седьмая принцесса столь злопамятна. Пусть щупальца Башни длинны, но даже им не под силу знать каждую мелочь, творящуюся в императорском дворце Дажуна. О том, что принцесса снискала благосклонность государя Цяньина и Государственного наставника, Башня знала, но не более того.

Гу Пиньтин невольно ощутила лёгкое облегчение: хорошо ещё, что эта принцесса оказалась сговорчивой. Враждовать с ней Башне было бы... хлопотно.

<http://bllate.org/book/16273/1465117>